

УДК 821.161.1

Л.Н. ТОЛСТОЙ И А.С. ПУШКИН: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК

А.Н. Полосина

*Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба
Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», д. Ясная Поляна, 301214, Россия*

Аннотация

В статье показывается зарождение, формирование и дальнейшая судьба яснополянской библиотеки, история которой начинается со времён князя Николая Семёновича Волконского (1753–1821). Большой вклад в это книжное собрание внёс не только его внук Лев Николаевич Толстой (1828–1910), но и целое поколение современников писателя. Особое внимание автор уделяет произведениям Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) и литературе о нём, положив в основание своей работы рецептивный анализ источниковедческого материала, поскольку данный метод позволяет обратиться к целому ряду воспоминаний. В частности, говорить об отношении Льва Николаевича к творчеству Александра Сергеевича, роли «солнца русской поэзии» в собственном литературном труде, а также в процессе воспитания детей позволяют мемуары сыновей Толстого – Сергея (1863–1947) и Ильи (1866–1933), домашнего доктора Душана Петровича Маковицкого (1866–1921), литератора Григория Петровича Данилевского (1829–1890), который едва ли не первым предпринял попытку составить представление о яснополянской сокровищнице, профессора Московского университета Алексея Евгеньевича Грузинского (1858–1930), в 1912 г. с разрешения Софьи Андреевны Толстой (1844–1919), вдовы писателя, обследовавшего состояние библиотеки, и др.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, яснополянская библиотека, Г.П. Данилевский, Д.П. Маковицкий, А.Е. Грузинский, С.А. Толстая, С.Л. Толстой, И.Л. Толстой, А.С. Пушкин

По мнению французского писателя эпохи романтизма Шарля Нодье, «собираание книг – приятнейшее из всех занятий, но немногим менее приятно рассказывать о собранных книгах и делиться с публикой теми духовными сокровищами, что таит в себе литература. Рассказы эти становятся не только источником удовольствия, но, можно сказать, потребностью для страстного библиофила, если скверное состояние дел или непредвиденные обстоятельства вынуждают его расстаться со своей библиотекой» [1, с. 6]. Сказать, что Л.Н. Толстой был страстным библиофилом, было бы преувеличением. А Пушкин? «Всеобъемлющего Пушкина, – пишет М.А. Осоргин, – каждый любит по-своему: стихотворец ценит в нём стихотворца, прозаик – прозаика... Для книголюбов Пушкин прежде всего книголюб, самый настоящий и едва ли не единственно настоящий из всех больших русских писателей» [2].

История библиотеки Ясной Поляны в лицах – это плеяда просвещённых русских аристократов: 1) князь Николай Иванович Горчаков (1725–1811), прадед Толстого по отцовской линии; 2) князь Николай Семёнович Волконский (1753–1821), дед по материнской линии; 3) графиня Мария Николаевна Толстая (1790–1830), мать писателя; 4) граф Николай Ильич Толстой (1794–1837), его отец, наконец, 5) сам Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Словом, яснополянское книжное собрание родовое, оно собиралось несколькими поколениями, отражая вкусы и пристрастия владельцев. Из главы III автобиографических «Воспоминаний», оставшихся неоконченными, известно, что граф Н.И. Толстой «собирал библиотеку, состоящую, по тому времени, в французских классиках, исторических и естественно-исторических сочинениях – Бюффон, Кювье» (СС, XIV, с. 390). По словам тётушек, он «поставил себе за правило не покупать новых книг, пока не прочтёт прежних. Но, хотя он и много читал, трудно верить, чтобы он одолел все эти *Histoires des croisades et des papes* [Истории крестовых походов и пап (*франц.*)], которые он приобретал в библиотеку» (СС, XIV, с. 390). «Сколько я могу судить, – пишет Л.Н. Толстой, – он не имел склонности к наукам, но был на уровне образования людей своего времени. Как большая часть людей первого Александровского времени и походов 13, 14, 15 годов, он был не то, что теперь называется либералом, а просто по чувству собственного достоинства не считал для себя возможным служить ни при конце царствования Александра I, ни при Николае» (СС, XIV, с. 390).

Софья Андреевна Толстая (1844–1919), супруга Л.Н. Толстого, приехав в сентябре 1862 г. из Москвы в Ясную Поляну, обнаружила два шкафа с книгами. «Это и были те 500–600 томов, доставшиеся Льву Николаевичу от деда и родителей, да ещё – некоторые, приобретённые уже им самим, хотя, по всеобщему признанию, Толстой “записным” библиофилом не был...» [3].

Едва ли не первым, кто дал первое представление о яснополянской библиотеке Толстого был литератор Григорий Петрович Данилевский (1829–1890), который воочию, в 1885 г., видел: «Полки берёзовых шкафов, со стеклянными дверцами... снизу доверху уставлены старыми и новейшими, иностранными и русскими изданиями. <...> Здесь, как и в шкафах и в нише, виднеются – в старинных и новых переплётках и без переплётков – издания сочинений Спинозы, Вольтера, Гёте, Шлегеля, Руссо, почти всех русских писателей, затем – Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена Константа, Де-Сисмонди, Иоанна Златоуста и других, иностранных и русских, духовных и светских мыслителей» (Дан, с. 25).

Книжное собрание пополнял Л.Н. Толстой согласно требованиям своего творчества. Так, за годы работы над «Войной и миром» «он собрал целую библиотеку книг о событиях 1812 года» [4]. Сходная история была и с другими его сочинениями. Из Румянцевской библиотеки через профессора Московского университета Николая Ильича Стороженко (1836–1906) и при помощи каталожного, как свидетельствует Владимир Фёдорович Лазурский (1869–1947), который был приглашён в Ясную Поляну в качестве репетитора для занятий греческим и латинским языками с сыновьями Толстого – Андреем (1877–1916) и Михаилом (1879–1944), ему доставляли английские книги, например, о Китае (Лаз, с. 90).

Почти все книги XVII в. появились в библиотеке Ясной Поляны благодаря литературному критику Николаю Николаевичу Страхову (1828–1896). В 1881 г.

по просьбе Толстого он прислал ему Филона Александрийского, толкователя Ветхого Завета и теоретика иносказательной интерпретации библейских текстов (ПТС, с. 265, 275), а в 1890 г. – «Божественную экономию» Пьера Пуаре (ПТС, с. 412). Следует сказать, что “*Philonis Iudaei Opera exegetica in libros Mosis, de mundi orificio, historicos et legales*” (1613) является самой старой книгой яснополянской сокровищницы [3].

В личную библиотеку Л.Н. Толстого большой вклад внесло целое поколение современных ему собратьев по перу. Речь прежде всего идёт о книгах-подарках, которые присылали со своими автографами русские и иностранные редакторы и авторы (писатели, художники, композиторы, учёные и т. д.). На отдельных экземплярах, как отмечает Г.В. Алексеева, «сохраняются остатки бандеролей и почтовых марок, свидетельствующие о том, что на некоторые серии Толстого подписывали его почитатели» [3]. Словом, согласно замечанию домашнего доктора Душана Петровича Маковицкого (1866–1921), сделанному в апреле 1910 г., «библиотека Ясной Поляны составляет целым миром» (Мак, IV, с. 221). К этому времени по всему дому стоит более 20 тыс. томов на тридцати девяти иностранных языках, включая книги, журналы, газеты и вырезки из них (подробнее см. трёхтомное библиографическое описание (БТ)). Библиотека А.С. Пушкина значительно меньше¹, но это не умаляет её уникального значения.

Сложившаяся в течение XVIII – XIX вв. яснополянская библиотека хранится до сих пор как цельное собрание, ценность которого осознавалась, к примеру, не только Д.П. Маковицким. Ещё при жизни писателя немало изданий некоторое время пребывали «вдали от дома, приходя в ветхость» (Груз, с. 134, сн. 1). В своём дневнике 20 октября 1906 г. домашний доктор запишет: «Мы с Андреем Львовичем [сын Толстого. – А.Л.] убрали книги в мастерской. Сюда они перенесены после женитьбы Льва Львовича [1896 г. – А.Л.] из “кузминского дома”, в котором он поселился. Здесь были, главным образом, старые французские книги и журналы Л. Н. 50–60-х годов. Нашлись тетрадки учеников Л. Н. 1862 г. Порядочно географических карт. Книги сложены на полу вот уже лет 7–8. Мы их поставили на полки» (Мак, II, с. 277). Что касается дальнейшей судьбы, то, со слов Маковицкого, известно: «В мастерской завелось множество крыс, и они стали грызть книги. Потом рабочие стали употреблять их на папиросы, растаскивали. Когда я нашёл книжки “Современника” и на деревне, и в нашем буфете и под молочными продуктами (т. к. из мастерской сделали молочную), тогда я оставшиеся книжки “Современника” и ещё несколько самых ценных перенёс в библиотеку. В 1912 г. профессор Грузинский перенёс и остальные уцелевшие в библиотеку» (Мак, II, с. 277, сн.).

После смерти Л.Н. Толстого судьба его личной библиотеки была более удачной, нежели участь книжного собрания А.С. Пушкина, которое спас Борис Львович Модзалевский (1874–1928). Прибавить что-либо новое к составленному им описанию (БП), проработанному и другими исследователями (см., например, «Библиотека Пушкина. Новые материалы» Л.Б. Модзалевского (БПНМ)), на наш взгляд, достаточно трудно.

¹ Подробнее см. каталог, составленный Б.Л. Модзалевским (БП), и дополнение к нему (БПНМ).

Яснополянскую сокровищницу с разрешения вдовы писателя С.А. Толстой в 1912 г. обследовал профессор Московского университета Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930). Тогда же стало очевидно, что «библиотека в полном объёме не сохранилась» (Груз, с. 133). Известная часть осталась на руках, как, впрочем, и книги из библиотеки А.С. Пушкина (БП, с. 8). «По свидетельству гр. С.А., Толстой охотно ссужал книгами всех, кто просил, говоря, что книги затем и существуют, чтобы их читали» (Груз, с. 133).

Библиотеку пушкинскую, в отличие от толстовской, как известно, перемещали с места на место. Книги хранились в запечатанных ящиках четыре года до 1841 г., затем их сдали «под расписку на сохранение вдове Н.Н. Пушкиной» (БПНМ, с. 5), а вскоре началось медленное распыление. Лишь в 1906 г. оставшееся после смерти А.С. Пушкина книжное собрание было приобретено Академией наук. Отсутствие некоторых изданий исследователи объясняют тем, что они «были взяты “на память” кем-то из близких поэта» (БПНМ, с. 8).

В том, что «библиотека в Ясной Поляне цела», как справедливо замечает ещё в 1905 г. Д.П. Маковицкий (Мак, I, с. 438), большая заслуга С.А. Толстой. «Софья Андреевна, кашляя и жалуясь на трудность для неё этой работы, – пишет он, – привела в порядок журналы, записала в каталог книги, полученные в последние месяцы, и разложила их по шкафам, распорядилась о сохранении газет. Очень быстро и аккуратно работает. <...> И те брошюры и книги, которые Л. Н. исключил, сохранила» (Мак, I, с. 438). Супруга писателя понимала значение библиотеки для последующих поколений.

Следует сказать, что вопрос о приведении яснополянской библиотеки в порядок возник в 1889–1890 гг., то есть при жизни писателя. Создание первого каталога связано с Алексеем Митрофановичем Новиковым (1865–1927), учителем младших сыновей Льва Николаевича: «Книг было много, 13 шкапов, и книг самых разнообразных: и исторических, и религиозных, и беллетристических, много книг на древнееврейском и греческом языках. <...> И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг» (Нов, с. 442–443). Л.Н. Толстой с большим вниманием относился к данному делу. А по возвращении из-за границы помогать стала Татьяна Львовна Толстая-Сухотина (1864–1950), старшая дочь писателя (Нов, с. 445). С опорой на указания Н.Н. Страхова «были составлены систематический и карточный каталоги, которые обновлены затем гр. С.А. в 1908 г.» (Груз, с. 134–135). В результате появился трёхтомный рукописный тематический каталог книг на русском и иностранных языках. Регистрируя их в том или ином разделе («Религия и философия», «Литература и критика», «История и биография», «Натуральная история», «Путешествия, математика», «Образование», «Политическая экономия и юриспруденция», «Медицина и разное», «Журналы», «Старая библиотека»), Софья Андреевна отмечала количество томов, шкаф и полку [3].

В личной библиотеке Л.Н. Толстого сохранилось более 10 изданий произведений А.С. Пушкина, самое раннее из которых 1857 г., а позднее – 1908 г. (БТ, I (2), с. 145–152). Очевидно, что Лев Николаевич обращался к его творчеству. Кроме того, в Ясной Поляне имеются книги о поэте, например:

- «Систематическое собрание сочинений В.Г. Белинского», опубликованное в 5 выпусках с 1899 по 1900 г. в Санкт-Петербурге Н. Зинченко (БТ, I (1), с. 74);
- «В память пятидесятилетия смерти Пушкина» Н.Н. Булича (Казань, 1887) (БТ, I (1), с. 127);
- «Шутки и остроты А.С. Пушкина» (Одесса, 1902), которые собрал из разных источников и издал М.С. Козман (БТ, I (1), с. 372);
- «Страничка из жизни Пушкина» А.Ф. Кони (СПб., 1905) (БТ, I (1), с. 376);
- «Александр Сергеевич Пушкин. Избранные места из его стихотворений, поэм и повестей» – издание Санкт-Петербургской городской думы в память столетней годовщины рождения поэта, составленное по поручению Комиссии по народному образованию 30 мая 1899 г. В.П. Острогорским (БТ, I (2), с. 85).

Кстати говоря, в январе 1857 г. Толстой, познакомившись со статьёй Белинского о Пушкине, записал в дневнике: «Я только теперь понял Пушкина» (цит. по [5]). «...Вся наша так называемая “классическая литература”, – заявил он 20 декабря 1890 г. в беседе с А.В. Жиркевичем, – может быть названа молодостью. Пушкин, Лермонтов, Гоголь – всё это умерло, как назло, в ту минуту, когда талант их креп, когда они могли подарить миру действительно капитальные, поразительные вещи... И что это была за гениальная молодость! <...> Пушкин стал уже переходить к прозе и, наверное, бросил бы стихи, если бы не умер» (Жир, с. 86–87).

Своих детей Л.Н. Толстой воспитывал на произведениях А.С. Пушкина. Так, в «Очерках былого» Сергей Львович Толстой (1863–1947) пишет: «Из произведений Пушкина в моём отрочестве он советовал мне прежде всего прочесть “Повести Белкина”. Вообще он высоко ценил язык, слог и форму прозы Пушкина. В этом отношении он считал “Пиковую даму” образцовым произведением» (ОБ, с. 96). А далее: «Впрочем, отец оговаривался, что он пристрастен к Пушкину и что чувствует к нему особую слабость» (ОБ, с. 299). Второй сын Илья Львович Толстой (1866–1933) вспоминает: «Пушкинское “Прибежали в избу дети” и лермонтовское “Ангел” мне надоели настолько, когда я их учил, что потом долго не брался за поэзию и на всякие стихи дулся, как на наказание» (ТМВ, с. 203–204). Сам Лев Николаевич 25 октября 1891 г. в письме М.М. Ледерле на вопрос «о книгах, имевших на него наибольшее влияние» отвечает, что в детстве (до 14 лет или около того), помимо прочего, впечатление на него произвело стихотворение Пушкина «Наполеон» – *большое*, а позже – с 14 до 20 лет – «Евгений Онегин» (СС, XIX, с. 228–229).

Ранее, в начале апреля 1873 г., П.Д. Голохвастову Толстой пишет: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу – прочтите сначала все “Повести Белкина”. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение. <...> У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и, если возбуждает к работе, то без-ошибочно» (ПСС, LXII, с. 22).

А в одном из неотправленных писем – Н.Н. Страхову (25 марта 1873 г.) – Толстой «под великим секретом» рассказывает про себя, точнее о своей любви к Пушкину: «Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется, 7-й раз), перечёл всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда так не восхищался. “Выстрел”, “Египетские ночи”, “Капитанская дочка”!!! И там есть отрывок “Гости собирались на дачу”. Я невольно, нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман [«Анна Каренина». – *А.П.*], который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен... и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год» (СС, XVIII, с. 728).

Об этом говорит и старший сын. По его воспоминаниям, однажды Лев Николаевич вошёл в комнату «тётенки», Татьяны Александровны Ергольской (1792–1874), и, прочитав вслух отрывок «Гости съезжались на дачу» из оставленных открытыми на столе «Повестей Белкина», сказал: «Вот как надо писать!» – и в тот же день возникло «Все смешалось в доме Облонских», он стал писать «Анну Каренину» (ОБ, с. 36).

Как известно, особенно Л.Н. Толстой ценит сочинения Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского (см. переписку с Н.Н. Страховым, в частности, письмо от 26 сентября 1880 г. (ПСС, LXVIII, с. 24) и др., опубликованную в «Русском слове» статью С.П. Спиро (ТГ) и проч.). Он также высоко ставит А.С. Пушкина, а более всего из стихов – «Когда для смертного умолкнет шумный день» (ОБ, с. 97). Написанные в 1828 г. строки процитированы, к примеру, во введении «Воспоминаний» (СС, XIV, с. 378–379). Со слов С.Л. Толстого, Лев Николаевич «сознаётся, что с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в этом стихотворении. Только в последнем стихе – “Но строк постыдных не смываю” – он заменил бы слово “печальных” словом “постыдных”» (ОБ, с. 97). Кроме этого, Толстой восхищался мастерством, проявленным в рассказе «Метель»: «Манера письма прекрасная; так ясно, твёрдо» (Булг, с. 364).

Разумеется, Толстой учитывал опыт русского Просвещения, прежде всего «Цыган» А.С. Пушкина, которыми восхищался, цитировал, любил перечитывать и относил к произведениям истинного искусства (см., например, статью «Что такое искусство?» (СС, XV, с. 140)). Первое впечатление Толстого об этой поэме таково: «В Пушкине же меня поразили “Цыгане”, которых, странно, я не понимал до сих пор» (СС, XXI, с. 127). Спустя некоторое время в своих «Дневниках» он напишет: «...“Цыгане” прелестны, как и в первый раз, остальные поэмы, исключая “Онегина”, ужасная дрянь» (СС, XXI, с. 157). «Ведь в “Цыганах” культурный человек осуществляет его собственную мечту – уйти из культурной жизни» (ОБ, с. 97). По мнению Сергея Александровича Рачинского (1833–1902), профессора Московского университета, в 1868 г. поселившегося в имении своего брата и посвятившего жизнь занятиям в сельской школе, Толстой «не Тургенев и не Гончаров, а прямой и законченный преемник Пушкина» (ПСС, LXII, с. 378, сн. 6).

Николай Николаевич Гусев (1882–1967), личный секретарь Льва Николаевича в 1907–1909 гг., записал в дневник 8 июня 1908 г. мнение о «Евгении Онегине»:

«Я сегодня был слаб, не мог заснуть и всё время читал – никто не догадывается, что... “Евгения Онегина”! И всем советую его перечесть. Удивительное мастерство двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени. Не говорю уже о таких *chef d’oeuvre*’ах [шедеврах. – А.П.], как письмо Татьяны... <...> лучше всего у Пушкина – его проза» (Гус, с. 66). В особенности, как свидетельствует С.Л. Толстой, писателя восхищало начало главы VII «Гонимы вешними лучами»: «Здесь каждый стих – верная картина природы, – говорил он, – и какое прекрасное сравнение:

Ещё прозрачные леса
Как будто пухом зеленеют» (ОБ, с. 97).

Позже Л.Н. Толстой снова и снова будет перечитывать сочинения А.С. Пушкина. Так, 5 июля 1908 г. он скажет А.Б. Гольденвейзеру: «Я теперь читаю то величайшую премудрость – индусскую книгу (прислал автор Л. Н-чу на английском языке), то Пушкина» (Гольд, I, с. 216). В своих мемуарах профессор Московской консерватории указывает на то, что Лев Николаевич восхищался отдельными заметками («перлами ума»), читая вслух его записки, анекдоты, мысли, неподражаемо – всю сцену из «Пиковой дамы» у графини, приход Томского и проч.: «Как это всё хорошо – повести Белкина. А уж “Пиковая дама” – это *chef d’oeuvre*. <...> Так умеренно, верно, скромными средствами, ничего лишнего. Удивительно! Чудесно!» (Гольд, I, с. 217).

Попутно отметим: Толстой неоднократно давал высокую оценку языку Пушкина, о чём отчасти нами сказано выше (см. рекомендации, данные сыновьям). Например:

5 июля 1900 г.

«... Чувство красоты развито у него до высшей степени, как ни у кого» (Гольд, I, с. 38);

26 июня 1910 г.

«... Этот его удивительный язык, который он так смело и свободно поворачивает, куда ему угодно, и всегда попадает в самую точку» (Гольд, II, с. 71).

А.Е. Грузинский обращает внимание на глубокое пристрастие Льва Николаевича к творчеству Ж.-Ж. Руссо, чьи книги он начал читать едва ли не пятнадцатилетним юношей и, как никто другой, попал под упоительные чары этого автора (Груз, с. 136). Более того, профессор первым подметил, что «до средних лет Толстой не имел привычки читать с карандашом или с пером в руках, резко отличаясь в этом отношении, напр., от Пушкина» (Груз, с. 136), но всё же иногда впечатление выражалось по-старинному, в виде отчёркивания либо подчёркивания ногтём («Хранили многие страницы отметку резкую ногтей») и загибания уголков (Груз, с. 137). Именно такие следы чтения были найдены на страницах сочинений Пушкина в наличествующем в личной библиотеке Толстого издании под редакцией П.В. Анненкова (СПб., 1855), по которому, к слову сказать, Лев Николаевич 9 июня 1856 г. познакомился с биографией Александра Сергеевича (СС, XXI, с. 157).

Заметим: ни князь Н.С. Волконский, ни граф Л.Н. Толстой, как, впрочем, и А.С. Пушкин, экслибриса не имели. Между тем в их библиотеках можно обнаружить и другие переклички: со времён деда Льва Николаевича в Ясной Поляне имеется парижское издание «Этюдов природы» Жака-Анри-Бернардена

де Сен-Пьера (*Études de la nature*. Paris, 1787–1788) (БТ, III (2), с. 275), а у Александра Сергеевича – брюссельское 8-томное полное собрание сочинений этого французского мыслителя XVIII в. (*Œuvres complètes de Jacques-Henri-Bernardin de Saint-Pierre, mises en ordre et precedes de la Vie de l’Auteur*. Par L. Aimé-Martin. Bruxelles. 1820) (БП, с. 327–328) (см. также [6, с. 270–271]).

В одном из посланий к М.Н. Толстой Лев Николаевич пишет: «...Прочёл пушкинского “Дон-Жуана” и до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу о своём впечатлении» (СС, XVIII, с. 405). Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927), посетив второй раз Льва Николаевича в Ясной Поляне, был поражён его памятью: «Он наизусть читал многие стихотворения Пушкина, Тютчева (например, “Как океан объемлет шар земной”). В стихотворении Пушкина “Телега жизни” два нецензурных слова, там находящиеся, он изобразил комичным мычанием» (Жир, с. 196).

Толстой очень сожалел, что А.С. Пушкин только начинал складываться и ещё ничего не испытал... Мемуаристка Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869–1954), в частности, пишет: «Зашла речь о стихах, между прочим о стихах Сологуба, о которых он отозвался с резким осуждением.

Я стала защищать те стихотворения этого поэта, которые мне нравятся. <...>

Я люблю мою тёмную землю,
И в предчувствии вечной разлуки
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.
Только воля господня и есть...

Докончить мне не удалось. Лев Николаевич сердито и морщась в то же время, как от боли, прервал меня вопросом:

– Что это значит “тёмная земля”, когда над нею светит солнце? И почём он знает, что разлука “вечная”. И потом эти пошлые кражи из “Отче наш”. Нет, нет, избавьте меня от ваших Сологубов. Вы живёте в этом мире. Вам это что-то говорит. А я знаю, что тут ничего нет. Да я стихов и вообще не люблю, – добавил он, несколько успокоившись. – Одно на тысячу, нет, на десять тысяч, да и не на десять тысяч, одно на сто тысяч стихотворение годно для прочтения. Например:

Когда для смертного умолкнет шумный день...

По странной случайности дорогой, когда начинал одолевать сон, у меня всё время под пенье метели звучали эти строки в голове, и я прочла вслух это стихотворение. Лев Николаевич слушал со смягчённым лицом, с заблестевшими глазами. Он сам заканчивал некоторые строчки. Когда же я останавливалась, чтобы послушать его, он произносил слово и смотрел выжидательно, пока я не догадывалась продолжать стихотворение. Последний куплет “И, с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю” Лев Николаевич произнёс два раза с торжественно-скорбным выражением» (Мал).

11 мая 1873 г. Л.Н. Толстой в письме к Н.Н. Страхову сообщает: «Я пишу роман, не имеющий ничего общего с Петром I. Пишу уже больше месяца и начерно кончил. Роман этот – именно роман, первый в моей жизни, очень взял меня за душу, я им увлечён весь и, несмотря на то, философские вопросы нынешнюю весну сильно занимают меня. В письме, которое я не послал вам, я писал

об этом романе и о том, как он пришёл мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки и с новым восторгом перечёл всего» (СС, XVIII, с. 733).

В заключение приведём, так сказать, «курьёзную» ситуацию, произошедшую с графом Н.И. Толстым, о котором сын на закате своих дней расскажет: «...Более всего я помню его в связи с псовой охотой. <...> Мне всегда потом казалось, что Пушкин списал с них выезд на охоту мужа в “Графе Нулине”². Помню, как мы с ним ходили гулять и как увязавшиеся за нами молодые борзые, разрезавшись по нескошенному лугу, на котором высокая трава подстёгивала их и щекотала под брюхом, летали кругом с загнутыми на бок хвостами, и как он любовался ими. Помню, как для охотничьего праздника, 1-го сентября, мы все выехали в линейке к отъёмному лесу, в котором была посажена лисица, и как гончие гоняли её и где-то – мы не видели – борзые поймали её. Помню особенно ясно садку волка. Это было около самого дома. Мы все пешком вышли смотреть. На телеге вывезли соструенного, большого, с связанными ногами, серого волка. Он лежал смирно и только косился на подходивших к нему. Приехав на место за садом, волка вынули, прижали вилами к земле и развязали ноги. Он стал рваться и дёргаться и злобно грыз струнку. Наконец развязали на затылке и струнку, и кто-то крикнул: “Пушай”. Вилы подняли, волк поднялся, постоял секунд десять. Но на него крикнули и пустили собак. Волк, собаки, конные, верховые полетели вниз по полю. И волк ушёл. Помню, отец, что-то выговаривал и сердито махал рукой, возвращаясь домой» (СС, XIV, с. 391–392).

Источники

- БП – *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиогр. описание). – М.: Книга, 1988. – 441 с. – (Отд. отт. из изд. «Пушкин и его современники», вып. 9–10)
- БПНМ – *Модзалевский Л.Б.* Библиотека Пушкина. Новые материалы // Приложение к репринт. изд. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: (Библиогр. описание). – М.: Книга, 1988. – С. 3–55.
- БТ – Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиогр. описание: в 3 т. / Предисл. В.Ф. Булгакова. – М.: Книга; Тула: ИД «Ясная Поляна», 1972–1999.
- Булг – *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни. – М.: Правда, 1989. – 465 с.
- Гольд – *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого: (Записи за пятнадцать лет): в 2 т. – М.: Кооп. изд-во: Голос Толстого, 1922. – Т. 1. – 371 с.; 1923. – Т. 2. – 396 с.
- Груз – *Грузинский А.Е.* Яснополянская библиотека // Толстовский ежегодник. – М.: О-во Толстовского музея в Москве и Толстовское о-во в Москве, 1912. – С. 133–142.
- Гус – *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого, 1907–1909. – М.: Худож. лит., 1973. – 463 с.
- Дан – *Данилевский Г.П.* Поездка в Ясную Поляну (Поместье графа Л.Н. Толстого) // Интервью и беседы с Львом Толстой / Сост. В.Я. Лакшин. – М.: Современник, 1986. – С. 18–35.

² Позволим себе напомнить имеющиеся в виду пушкинские строки:

Пора, пора! Рога трубят;
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах (П., III, с. 160).

- Жир – *Жиркевич А.В.* Встречи с Толстым: Дневники. Письма / Сост. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. – Тула: ИД «Ясная Поляна», 2009. – 800 с.
- Лаз – *Лазурский В.Ф.* Дневник // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 2. – С. 49–90.
- Мак – У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого: в 4 кн. – М.: Наука, 1979. – Кн. 1–4. – (Литературное наследство; т. 90)
- Мал – *Малахиева-Мирович В.Г.* В Ясной Поляне. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/malahieva-mirovich-v-yasnoj-polyane.htm>, свободный.
- Нов – *Новиков А.М.* Зима 1889–1890 годов в Ясной Поляне (Картины яснополянской жизни в 1890-х гг.) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 1. – С. 439–450.
- ОБ – *Толстой С.Л.* Очерки былого. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1975. – 469 с.
- П. – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1975.
- ПСС – *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Худож. лит., 1953.
- ПТС – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894 / С предисл. и прим. Б.Л. Модзалевского. – СПб.: Изд. О-ва Толстовского музея, 1914. – 478 с. – (Толстовский музей; т. 2)
- СС – *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1983.
- ТГ – *Спиро С.П.* Толстой о Гоголе // Рус. слово. – 1909. – 24 марта. – № 68.
- ТМВ – *Толстой И.Л.* Мои воспоминания / Вступ. ст. С.А. Розановой. – М.: XXI век – Согласие, 2000. – 461 с.

Литература

1. *Нодье Ш.* Из книги «Заметки об одной небольшой библиотеке» / Пер. с франц. В.А. Мильчиной // Нодье Ш. Читайте старые книги: в 2 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 2. – С. 6–58.
2. *Осоргин М.А.* Пушкин-кинолюб // Моск. журн. – 1999. – № 6. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/06/01/pushkin-kinolyub, свободный.
3. *Алексеева Г.В.* Из истории яснополянской библиотеки (научно-библиографическое описание книг на иностранных языках) // Источники по истории русской усадебной культуры. – М.: ИД «Ясная Поляна», 1997. – URL: <http://oiru.archeologia.ru/biblio050.htm>, свободный.
4. *Позельская А.* Личная библиотека Л.Н. Толстого // История, культура и традиции Рязанского края. – 2008. – 31 окт. – URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/3387>, свободный.
5. *Эйхенбаум Б.* Наследие Белинского и Лев Толстой. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/ejhenbaum-nasledie-belinskogo-i-tolstoj.htm>, свободный.
6. *Полосина А.Н.* Русские переводы «Суратской кофейной» Бернардена де Сен-Пьера (Н.М. Карамзин и Л.Н. Толстой) // Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб: Материалы XXV Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1999. – С. 270–282.

Поступила в редакцию
26.11.17

Полосина Алла Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого
«Ясная Поляна»
д. Ясная Поляна, Щёкинский р-н, Тульская обл., 301214, Россия
E-mail: alla.polosina@yptmus.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 17–28

**L.N. Tolstoy and A.S. Pushkin:
Comparative History of Private Book Collections**

A.N. Polosina

*The State Memorial and Natural Preserve “Museum Estate of Leo Tolstoy “Yasnaya Polyana”,
Yasnaya Polyana, 301214 Russia
E-mail: alispopova13@yandex.ru*

Received November 26, 2017

Abstract

This paper considers the origin, formation, and destiny of the book collection in Yasnaya Polyana. Its history begins from the time of Nikolai Semenovich Volkonskii (1753–1821). A great contribution to this book collection was made not only by his grandson, Leo Nikolaevich Tolstoy (1828–1910), but also by the generation of contemporaries of the writer. Special attention has been paid to the works of Alexander Sergeevich Pushkin (1799–1837) and the literature about him. The work is based on the receptive analysis of the source material, because this method allows to involve numerous memories. In particular, we have speculated about L.N. Tolstoy’s attitude to A.S. Pushkin’s works, as well as about the role played by the “sun of Russian poetry” in his literary work and in the process of educating children based on the memoirs of the following persons: L.N. Tolstoy’s sons, Sergey (1866–1933) and Ilya (1866–1933); his family doctor, Dushan Petrovich Makovitskii (1866–1921); Grigory Petrovich Danilevskii (1829–1890), who was the first to develop an idea of the library in Yasnaya Polyana; Alexey Evgen’evich Gruzinskii (1858–1930), a professor of Moscow University, who studied the state of books in 1912 with the permission of Sofia Tolstoya (1844–1919), the widow of the writer et al.

Keywords: L.N. Tolstoy, library Yasnaya Polyana, G.P. Danilevskii, D.P. Makovitskii, A.E. Gruzinskii, S.A. Tolstaya, S.L. Tolstoy, I.L. Tolstoy, A.S. Pushkin

References

1. Nodier Ch. From “Notes on One Small Library”. In: *Chitaite Starye Knigi* [Read Old Books]. Vol. 2. Moscow, Kniga, 1989, pp. 6–58. (In Russian)
2. Osorgin M.A. Pushkin as a bibliophile. *Moskovskii Zhurnal*, 1999, no. 6. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/06/01/pushkin-kinolyub. (In Russian)
3. Alekseeva G.V. From the history of the book collection (scientific and bibliographical description of books by foreign authors) in Yasnaya Polyana. In: *Istochniki po istorii russkoi usadebnoi kul'tury* [Sources on Russian Manor House Culture History]. Moscow, Yasnaya Polyana, 1997. Available at: <http://oiru.archeologia.ru/biblio050.htm>. (In Russian)
4. Pozel'skaya A. L.N. Tolstoy's private collection of books. *Istoriya, kul'tura i traditsii Ryazanskogo kraya*, 2008, Oct. 31. Available at: <http://www.history-ryazan.ru/node/3387>. (In Russian)
5. Эйхенбаум Б. Eikhenbaum B. Belinsky and Leo Tolstoy's heritage. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/ejhenbaum-nasledie-belinskogo-i-tolstoj.htm>. (In Russian)

6. Polosina A.N. Russian translations of “The Coffee-House of Surat” by Bernardin de St. Pierre (N.M. Karamzin and L.N. Tolstoy). *L.N. Tolstoy i A.S. Pushkin: soprichastnost' idei, obrazov, sudeb: Materialy XXV Mezhdunar. Tolstovskikh chtenii* [L.N. Tolstoy and A.S. Pushkin: Interconnectedness of Ideas, Images, and Fortunes: Proc. XXV Int. Tolstoyan Lectures]. Tula, Izd. TTUL Gos. Peadgog. Univ. im. L.N. Tolstogo, 1999, pp. 270–282. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Полосина А.Н. Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: сравнительная история личных библиотек // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 17–28. ⟩

⟨ **For citation:** Polosina A.N. L.N. Tolstoy and A.S. Pushkin: Comparative history of private book collections. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 17–28. (In Russian) ⟩